

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

АБСОЛЮТНОЕ ЗЛО

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111+821.111(73)
ББК 84(4Вел)+84(7Сое)-44
М 65

Перевод с английского
Людмилы Бриловой, Наталии Роговской
Серийное оформление Евгения Савченко

ISBN 978-5-389-17309-5

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2024
© Л. Ю. Брилова, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Леонард КИП

«УВЫ, БЕДНЫЙ ПРИЗРАК!»

Два года назад я, следуя из Калифорнии в Атлантические штаты, высадился в Панаме. Вояж вдоль западного побережья прошел на удивление приятно, океан расстился зеркалом, его чуть заметные колыхания, не сказываясь на здоровье и покое склонных к морской болезни пассажиров, помогали полнее ощутить движение и проникнуться романтикой путешествия; теплый воздух ласкал кожу; компания на судне подобралась разнородная и оттого еще более удачная, капитан и команда — дельные и любезные; так что благодаря редкому сочетанию всех этих факторов я ни о чем не тревожился, прекрасно себя чувствовал, наслаждался покоем и интересным общением. День за днем, пока судно быстро шло неподалеку от берега, мы веселились, пели и шутили, и в итоге многие начали вздыхать о том, что гавань уже близка и об искренних дружеских связях, зародившихся на борту, скоро останутся лишь воспоминания — впрочем, весьма неплохие.

Я путешествовал не один — на моем попечении состояла юная леди лет семнадцати. Ей предстояло завершить образование в одном из прославленных нью-йоркских пансионатов, и я, зная о живом, располагающем нраве девушки и будучи обязан ее родителям за многие прошлые услуги, охотно согласился стать ее сопрово-

ждающим. Чтобы называться красавицей, ей чего-то не хватало. Если бы я сейчас сочинял художественное произведение и, соответственно, имел право дать полную волю фантазии, с каким удовольствием я описал бы в самых ярких красках неисчислимые внешние достоинства своей спутницы, дабы, как это принято, свести их в единую картину ни с чем не сравнимой привлекательности. Однако мне предстоит рассказать о событиях, одно из которых наверняка станет предметом придирчивого внимания читателей, а потому я не вправе поступаться истиной даже в самых мелких деталях и подробностях. Посему я вынужден признать, что моя подопечная не была красавицей. Роскошные волосы, ровные зубы, гладкая кожа, приветливый взгляд, правильных пропорций лицо и фигура, рост скорее ниже среднего, миниатюрные ручки и ножки — вот и все, чем она могла похвалиться в отношении внешнего вида. Однако свои несовершенства она с лихвой искупала изяществом манер и живостью общения, благодаря которым очаровывала собеседников и неизменно имела в любой компании больший успех, чем те, кто превосходил ее правильностью черт и сложения. А сверх того, я за всю свою жизнь не встречал второй столь отчаянной кокетки.

Никто не упрекал ее за это, ибо было понятно, что иначе она не может. Она была рождена для того, чтобы притягивать мужчин, и не пользоваться своими преимуществами было бы выше ее сил. Если бы рядом не оказалось другой жертвы, она принялась бы флиртовать со своим дедушкой, и через какой-нибудь час покоренный старик уже сетовал бы на старую Моисееву заповедь, которая запрещает браки по прямой восходящей или нисходящей линии. Не забуду еще упомянуть, что ее манера заигрывать не имела ничего общего с расхожей: подобные приемы всем известны и если при-

водят к успеху, то лишь по привычке, — ибо мужчины слишком ленивы, чтобы избегать этих неприкрытых силков. Она никогда и никому не посылала наивных взглядов; не искала новых знакомств при помощи словословий, рассчитанных на неизбежный ответ; не увлекала робких представителей мужского пола в тихий уголок, чтобы там, осыпав лестью, вселить в них смелость; не строила низких козней, дабы отбить кавалера у другой девицы; не старалась всеми средствами обратить на себя внимание во время танца. Она говорила тихо, вела себя скромно и ненавязчиво, ни одно ее слово и ни один поступок не давали повода для осуждения. Но фокус был в том, что в любой компании она тут же становилась признанной королевой и завладевала всеобщим вниманием. Как это у нее получалось, затруднюсь сказать: я и сейчас довольствуюсь догадками. Могу только предположить, что секрет крылся отчасти в ее глазах: она умела искоса бросать из-под уголков век такие умиленные взгляды, что противиться им было невозможно. В этом взгляде не было ни вызова, ни пыла — ничего заметного для третьих лиц. Это была мимолетная вспышка, легкое электрическое трепетание век; а впрочем, кому под силу это описать? Но, в чем бы ни заключался секрет, лишь редкие упрямы не становились ее жертвами. А если взгляд не возымеет действия, шло в ход другое, замаскированное орудие: разящий без промаха изгиб нижней губы — приготовление не к речи или усмешке, а к тому, наверное, чтобы сложить губы бантиком или фыркнуть. Движение такое же трудноуловимое, как солнечный зайчик, и такое же неопишное, как упомянутый выше взгляд, но, пожалуй, еще более действенное. Можете не сомневаться: где терпел неудачу взгляд, там брала свое нижняя губа, и я не припомню никого, кто устоял бы в этих двух испытаниях. Сказать по правде, я склонен думать, что только мне

одному удалось остаться невозмутимым перед лицом этих уловок. Подобную неподатливость я объясняю, во-первых, своим возрастом (так как, да будет известно читателю, я уже перешагнул тридцатилетний рубеж и потому свободен от слабостей, делающих юношей легкой добычей искушения), а во-вторых, врожденным чувством собственного достоинства и хладнокровием, благодаря которым Амуру-лучнику столь же трудно уязвить меня, сколь трудно школьнику с игрушечными стрелами пробить шкуру носорога. Как бы то ни было, факт остается фактом: за время нашего каботажного плавания все, от капитана до последнего мальчишкестюарда, пали жертвами неодолимого обаяния моей спутницы, что выражалось, в зависимости от их ранга, либо преданным угождением, либо тайными вздохами, я же единственный оставался стоек и непоколебим.

В Панаме нам предстояло, конечно, пересечь перешеек на поезде, чтобы по ту сторону погрузиться на другое судно. Однако на пристани нас ждал агент нашей транспортной компании с довольно неприятным известием. Атлантический пароход вышел из строя из-за поломки — расшатался гребной вал, разорвало трубу, или что там еще то и дело случается с пароходами, — а до прибытия другого было еще дней десять. Между тем на поезд торопиться не стоило: климат по ту сторону перешейка в это время года самый нездоровый, к тому же гостиницы плохие и их не хватает. Предпочтительнее было разместиться в Панаме, те же, кому не хотелось перебираться в город, могли воспользоваться своими каютами на пароходе. Многие пассажиры решили так и сделать, а прочие отправились на берег искать иное пристанище. Среди последних был и я с моей прекрасной подопечной: находиться на борту приятно, когда судно дерзко бросает вызов открытому морю, но совсем другое дело — порт, где оно уныло трет-

ся о причал среди мусора и гниющих фруктов. По этой причине самое убогое жилье на берегу лучше самой роскошной каюты на борту. И вот мы, положив в дорожную сумку все, что понадобится на недельный срок, высадились на берег и начали обход скромных местных гостиниц.

Сперва поиски были безуспешны. Отелей в Панаме не много, и только один или два с виду отвечали необходимым требованиям. Однако они уже были забиты более расторопными пассажирами, которые прибежали при первом подозрении на отсрочку рейса и заняли лучшие номера. То тут, то там нам предлагали тесные и темные углы, до небес превознося их достоинства, но мы не поддавались на обман и продолжали поиски. Прошло около часа. Жара, к счастью, давно спала, и все же мотаться по незнакомому городу с тяжелой сумкой на плече — не самое вдохновляющее занятие. Разумеется, я устал и был, наверное, слегка раздражен, и тут, завернув за угол, мы очутились на небольшой площади перед собором.

Каждый, кто побывал в Панаме, несомненно, помнит этот собор — грандиозное каменное сооружение с двумя высокими башнями и с причудливым орнаментом из раковин-жемчужниц, расположенных полосами и кругами; благодаря своим размерам и почтенному возрасту безвкусная громада производит впечатление отчасти даже величественное. В иное время мы бы ею заинтересовались и, дав волю фантазии, пожалуй, принялись бы сочинять всякие романтические истории. Но в те минуты нас, утомленных и измученных, занимали не церкви, а исключительно гостиницы и какой-нибудь второразрядный нью-йоркский пансион доставил бы нам больше радости, чем базилика Св. Петра или мечеть Святой Софии. Поэтому, скользя не слишком критическим взглядом по высоким башням, мы собирались

быстро продолжить путь, но тут я заметил скромное объявление в окне какой-то лавочки напротив — вероятно, меняльной конторы: «Здесь говорят по-английски».

— Зайдем-ка, Лили, туда, справимся, где есть еще гостиницы, — сказал я, назвав свою подопечную по имени (такое обыкновение я завел сразу, чтобы она меня не стеснялась и мы, несмотря на большую разницу в возрасте, могли разговаривать непринужденно).

— Да, Гас, давай зайдем, — отвечала она, в свою очередь по имени и на ты (чтобы... чтобы мне... собственно, мы обоюдно согласились перейти, пока она состоит под моей опекой, на такую простую и естественную манеру общения).

И мы вошли в лавочку. Хозяин был плотный коренастый испанец, дон Мигель Как-Его-Там, смуглый, с довольно приятной миной на грушевидном лице, с живыми блестящими глазками, вытянутым затылком, коротко подстриженными волосами и маленькой бородкой. В ответ на мое приветствие он весьма учтиво поклонился, назвал два-три отеля, где мы уже пытались счастья, объяснил, что других не знает и что к нему уже несколько человек обращались с тем же вопросом, и выразил сожаление, что ничем не сумел помочь. Затем он вернулся было к своей бухгалтерии, но внезапно черты его дрогнули и он, как будто заново проникшись к нам интересом, несколько смущенно произнес:

— Не пожелает ли сеньор... и леди, его супруга...

— Сестра, — поправил я его, прибегнув — по примеру Авраама, но по совершенно иной причине — к безобидной лжи. Собственно говоря, это слово у меня просто-напросто вырвалось, поскольку я не рассчитывал на продолжение знакомства с доном Мигелем и не хотел объяснять в подробностях, как получилось, что я, не будучи родственником молодой леди, все же

являюсь — с соблюдением всех приличий — ее спутником в поездке.

— Ах да... ваша сестра. Теперь вижу, что вы похожи... очень-очень похожи. Не пожелает ли сеньор стать моим гостем на то время, пока пароход по ту сторону не будет готов? У меня есть дом в Старой Панаме, примерно в двух лигах отсюда, и мы с женой сочли бы за честь...

Прежде чем он успел закончить эту любезную и столь неожиданную пригласительную речь, я разгадал загадку и, извинившись, обернулся, чтобы отозвать Лили в сторону. Стоя позади меня, она безмятежно, с рассеянным видом глядела в окошко на собор, словно бы вдруг воспылала необычайным интересом к архитектуре. Но я не поддался на столь незамысловатую уловку и сурово спросил:

— Да что же это такое? Ты вздумала флиртовать с этим бедным джентльменом?

— Я только глянула на него одним глазком, Гас. Просто из любопытства. Ты ведь знаешь, кошка может смотреть на короля.

— Вот именно, — буркнул я. — Знаю я этот твой взгляд и как ты им пользуешься. Чего ради тебе очаровывать этого джентльмена? Глянула, как ты выражаешься, одним глазком — и что из этого получилось? Он приглашает нас к себе в загородный дом — гостить целую неделю.

— А тебе не кажется, Гас, что следует поблагодарить меня за это приглашение? Да, мы, конечно же, его примем, это будет просто замечательно. Как, бишь, это называется: ранчо, ранчero? А может, там настоящий замок. А вокруг, небось, растут бананы. И много другого удивительного. Да, непременно примем, это такое романтическое приключение, и мне тогда будет о чем писать домой.

— Примем только в одном случае: если ты будешь подобающим образом себя вести. Обещай, что не станешь флиртовать с этим почтенным джентльменом, иначе мы сдаемся и возвращаемся на пароход. Пойми, Лили, это никуда не годится. Оттого что ты завлечешь беднягу в свои сети, удовольствия не будет никакого, а вот неприятности могут случиться. У него есть жена, а испанки, как всем известно, очень ревнивы. Я слышал, непременная принадлежность их наряда — стилет. Может быть, часы облагаются налогом, а стилеты — нет. Тебя, конечно, тянет к романтике, а быть заколотой в темном углу разъяренной доньей — это весьма романтично, но, подозреваю, приятного в этом мало, а кроме того, я не знаю, как буду объясняться с твоим отцом.

— Но, Гас, тебе же известно, я непременно должна с кем-то флиртовать, — жалобно протянула Лили.

— Флиртуй тогда с погонщиком мулов или с соседским мельником, если таковые попадутся под руку; надо полагать, среди испанцев есть мельники, иначе как бы Дон Кихот сражался с ветряными мельницами? Обещай только пощадить этого джентльмена. Это все, о чем я прошу.

— Обещаю, — чуть слышно согласилась она (загородный дом на Панамском перешейке так раздражил ее любопытство, что за возможность посмотреть на него она отдала бы что угодно).

Зная, что Лили меня не обманет, я успокоился на этот счет, вернулся к дону Мигелю, извинился за промедление с ответом, сказал, что посоветовался с сестрой и мы готовы принять его любезное предложение, бесильны выразить словами свою благодарность и прочее. Честно говоря, мне было немного неловко оттого, что мы с такой готовностью ухватились за это одолжение со стороны совершенно незнакомого человека, но нам не приходилось выбирать, и к тому же я чувство-

вал, что нас пригласили не из учтивости и нам действительно будут рады.

Дон Мигель отвесил низкий поклон мне, поблагодарил за оказанную честь, потом низко склонился перед Лили, потом перед нами обоими. Я поклонился в ответ, Лили одарила дона Мигеля улыбкой, но, верная нашей договоренности, воздержалась от своих коварных мин; таким образом, все было готово к отъезду — солнце уже садилось и под дверью очень кстати ждал экипаж нашего хозяина. Весь необходимый багаж был при нас, медлить не имело смысла. Мы погрузились в экипаж (невысокую открытую повозку, запряженную двумя мулами), дон уселся перед нами, смуглый метис забрался на сиденье кучера, взмахнул длинным кнутом, и животные припустили ровным аллюром туда, где кончалась булыжная мостовая и начиналась загородная местность.

Мы ехали по узеньким улочкам, над которыми едва не смыкались балконы противоположных домов, вдоль улиц пошире, с фруктовыми лавками, по открытому пространству перед темной глухой стеной монастыря, где высился на трех больших ступенях каменный крест, мимо разрушенной церкви с банановой пальмой прямо в открытых дверях — и через городские ворота наружу, под нестройный «Ангелюс» всех треснутых колоколов со всех оставшихся за спиной колоколен Панамы. За этим последовал несколько однообразный путь по грунтовым пригородным дорогам, проложенным через густой тропический лес; просветы, в которых виднелись либо небольшой расчищенный участок с туземной хижинкой, либо, вдалеке, залив. Примерно через полчаса дорога вдруг резко повернула и пошла вверх; на высоте перед нами открылся более широкий вид. Залив теперь был ближе, в нескольких ярдах от нас искрились в закатных лучах волны; прибежав, быть может, от самого азиатского берега, они колыхали мелкой рябью

панамские воды, и их тихий лепет походил на облегченный вздох странника, который одолел многие мили и готовится к приятному отдыху. Впереди простиралась Старая Панама; насколько можно было видеть, современные домишки в ней перемежались древними руинами: где-то скопление бамбуковых построек с сидящими у порога полуголыми туземцами; где-то возвышение, так густо заросшее лозой и кустарником, что о наличии за ними ветхой стены можно было только догадываться; где-то церквушка, не то чтобы совсем разрушенная, но отчаянно нуждающаяся в ремонте и уже наполовину потонувшая в зарослях, что служит безошибочным признаком скорого конца. Но массивней всего была стоявшая напротив нас громада — то ли монастырь, то ли форт, то ли казармы, — при ближайшем рассмотрении оказавшаяся большим частным владением; центр его составляло здание не очень крупное, однако внушительное на вид, так как его окружал немалых размеров двор, обнесенный высокой стеной из необожженного кирпича. Это был дом нашего хозяина, и экипаж через широкий арочный проем в стене въехал во внутренний двор, где мулы, не дожидаясь оклика, сами остановились, кучер-метис, громко ухнув, соскочил с сиденья и распахнул нам дверцу. Для подробного знакомства с домом час был слишком поздний, и нас не мешкая отвели в предназначенные нам смежные комнаты. Я успел только заметить, что дом строился, вероятно, в разное время: одна его часть казалась совсем новой, другую же я отнес к поро самой отдаленной; причем разница между ними сразу бросалась в глаза, так как они непосредственно примыкали одна к другой; на первом этаже разделительная линия проходила примерно посередине, а выше ломалась и смещалась к западу, так что помещения под самой крышей были почти сплошь совре-

менные, исключение составляла единственная небольшая башня.

И вот теперь начинается необычная часть моей истории — поразительная настолько, что я не удивлюсь, если в наши скептические времена мне никто не поверит. Более того: мне до сих пор не попадался слушатель, у которого мой устный рассказ встретил бы понимание; напротив, все либо недоверчиво качали головой, либо в лучшем случае замыкались в молчании. В этих обстоятельствах мне даже боязно продолжать, я мог бы отказаться от своего намерения и утаить концовку, если бы не был убежден, что где-то в мире найдутся читатели, которые отнесутся к этому странному повествованию без враждебности, не станут без разбору подвергать насмешкам все, чего в данный момент не могут объяснить, и признают факт: в мире существует много непостижимых для нашего ума явлений, однако они достоверны и впоследствии — почему бы и нет? — найдут удовлетворительное истолкование. Что до моих друзей, могу сказать лишь одно: сколь бы странное впечатление ни производила моя история, им не следует забывать, во-первых, о моей укоренившейся репутации человека солидного, уравновешенного и начисто лишённого воображения, а потому бесконечно далекого от всего того, что обычно называют романтическими байками, и, во-вторых, о том, что, изобретая изошренную ложь, я бы от этого ничего не выиграл; посему я призываю их, прежде чем выносить неблагоприятное суждение о моем рассказе, взвесить все доводы за и против его правдивости.

Едва мы успели привести себя в порядок, как хозяин позвал нас к ужину, и мы проследовали за ним в столовую — довольно скудно обставленную комнату, показавшуюся, на наш северный вкус, мрачноватой, хотя там имелось, конечно, все, что считается в местном кли-

мате необходимым и нарядным. В центре находился длинный стол, обильно уставленный угощениями: овощи, фрукты, кофе и немного мясного. С каждой стороны было приготовлено по два прибора, в конце стола — еще один. У двери стояла жена дона Мигеля — невысокая плотная женщина, чья очень смуглая кожа выдавала еще большую примесь индейской крови, чем у супруга. Увешанная множеством драгоценностей, она, со своими прекрасными глазами и ровными зубами, наверняка слыла когда-то красавицей, теперь же, утратив права на это звание, сохранила при себе приятность черт. Видеть иностранцев ей, вероятно, доводилось не часто, держалась она скованно и в ответ на наши неловкие приветствия не проронила ни слова. Забегая вперед, могу добавить, что за все время нашего визита она — то ли по незнанию английского, то ли по природной застенчивости — ни разу не открыла рта и обязанности хозяйки исполняла в полном молчании, однако порой, в знак своего расположения к нам, позволяла себе улыбнуться. Ее вид говорил о радушии и доброте; я никоим образом не заподозрил в ней ревнивицы, способной ударить кого-то в темном углу стилетом, и Лили, как я заметил, неоднократно обращала ко мне просительные взгляды, явно желая взять свое обещание обратно. Я, однако, не сдавался, притворяясь, что смотрю не на нее, а только на дона Мигеля, любезным жестом пригласившего нас к столу.

Я ожидал, разумеется, что дон Мигель сядет во главе стола, но он, к моему удивлению, подошел к прибору, стоявшему сбоку, справа от себя поместил Лили, а нам с хозяйкой указал на места напротив. Пока мы стояли, у конца стола совершенно неожиданно появился пятый сотрапезник, который степенно нас приветствовал и кивком предложил садиться. В ту минуту я не особенно к нему присматривался, а ограничился беглым взгля-

дом, составив себе лишь самое общее представление о его внешности. Отец или старший брат, естественно, решил я, а может, другой родственник, которому, согласно обычаю, отведено в этом домохозяйстве почетное место.

Но когда все уже расселись, я уделил незнакомцу больше внимания и обнаружил в нем нечто, отчего у меня застыла в жилах кровь и присох к небу язык. Этот человек (если он действительно принадлежал к роду человеческому, в чем я с самого начала вдруг усомнился, хотя не более других склонен верить в сверхъестественное), худой и высокий, был облачен в платье, какого я ни на ком прежде не видывал. Это был костюм воина минувших времен, состоявший из нагрудника, латных рукавиц, шпаги с корзинчатой гардой, дублета с кружевами и разрезами, которые крепились завязками; к коленям платье спускалось широкими складками, нижняя часть ног была плотно обтянута трико. Но не этот необычный наряд поразил меня больше всего. Сам по себе он мог быть причудой эксцентричного старика, приверженного традициям прошлого; так среди нас попадаются любители треуголок, длинных косичек и больших обувных пряжек, какие носили во времена революции. В первую очередь мое внимание приковали внешность незнакомца и его манера держаться. Мрачное худое лицо казалось еще уже и мрачнее благодаря заостренной бородке. Глаза были не глаза, а застывшие жуткие гляделки, подобных я не видел ни у кого из людей; в них не было души, как если бы живое выражение стерлось, не оставив после себя ни блеска, ни зрительной силы. Приветствовав нас вначале церемонным наклоном головы, незнакомец с той минуты ни разу не повернулся и, словно бы полностью о нас забыв, сидел молча, с отсутствующим, обращенным к потусторонним мирам взглядом, не прикасался ни к чему

и в целом походил на старомодную деревянную фигуру, приделанную вместо носа корабля к столу, или на мертвую голову на погребальном пиру в Египте. Утолив первоначальное любопытство, я сделал вполне естественный вывод, что передо мной отнюдь не обычный смертный. И тут мне пришло в голову, что я не видел, как незнакомец входил: дверь перед ним не открывалась, он возник внезапно, точно вырос из-под земли или сгустился из воздуха. Снова у меня по спине пробежал холодок, и захотелось оказаться отсюда подальше — пусть даже на пароходе в шторм. Я тайком оглядел сотрапезников, желая узнать, как они воспринимают происходящее. Начал я с Лили, но та нисколько не изменилась в лице — воплощенная благопристойность и стойкость духа. Упустить из виду то, что заметил я, она не могла — я давно убедился, что от ее зоркого глаза ничто не укроется. По крайней мере, она была просто обязана обратить внимание на чудной наряд незнакомца. Однако Лили продолжала сидеть как ни в чем не бывало, губы ее не дрогнули, кровь не бросилась ей в лицо. Я всегда знал, что она ничего не боится, но теперь, когда она так легко освоилась в обществе призрака, чего еще я мог от нее ожидать? Переведя взгляд на хозяйина и хозяйку, я обнаружил, что и они, по всей видимости, не испугались, а настроены спокойно и серьезно. Один лишь хозяин, казалось, замечал присутствие пятого члена компании, и на его лице читался призыв ко мне сдерживать любопытство до поры, когда ему будет удобно меня просветить.

Посему я помалкивал и по мере возможности старался не смотреть незнакомцу в лицо; лишь изредка, не удержавшись, я украдкой косился на него и каждый раз видел, что неподвижный взор его устремлен в пустоту, а тарелка остается нетронутой. Только раз он, судя по всему, нас заметил: когда дон Мигель наполнил

вином стаканы и, обернувшись к концу стола, почти-тельно склонил голову, незнакомец ответил на его поклон, но затем мгновенно принял прежнюю позу. Мы продолжали ужинать, я не без дрожи, хозяйин и хозяйка — с достоинством, делая вид, будто не происходит ничего необычного; Лили меж тем трещала без умолку, словно всю жизнь только и делала, что общалась с призраками или ряжеными. Все это было невыносимо, и временами меня тянуло пренебречь приличиями, кинуться к двери и потребовать, чтобы нас доставили обратно в Панаму. Но наконец обед завершился, последний банан был съеден и последний орех расколот. Наш хозяин поднялся на ноги. Незнакомец тоже встал и с достоинством ответил на наши приветствия. Пока он медленно шел прочь, тяжелая шпага с корзинчатой гардой колотила его по боку. Однако я не мог не заметить, что порог он не пересек, а в нескольких футах от двери исчез, растворился, как если бы состоял из тумана.

— А теперь расскажите мне о нем. Кто он такой? — со звонким смехом любопытствовала Лили, обращаясь к хозяину. Вопрос прозвучал довольно бесцеремонно, и я вознамерился ее упрекнуть, но дон Мигель за нее вступился.

— Хорошо-хорошо, — сказал он, — если вашей сестре интересно, почему бы не спросить? Что до меня, я с удовольствием отвечу. Да я и так не собирался молчать. Поэтому прошу вас снова занять свои места, и я расскажу вам все, что знаю, — а известно мне не многое.

Мы удобно расселись вокруг него, и он поведал всю историю на ломаном английском, как умел, то есть употребляя длинные периоды там, где можно обойтись двумя словами.

До прошлой весны дон Мигель обитал в Панаме, и существование его было скромным и незаметным. Однако, добившись успеха в делах и питая склонность

к деревенской жизни, он купил большой участок земли в Старой Панаме — там, где когда-то располагался морской порт. Из строений не было ничего, кроме руин и туземных хижин, но выигрыш заключался в сравнительно здоровом климате и приятном виде. И вот, планируя свое обустройство, он решил возвести этот просторный дом — правда, не строить его целиком, а воспользоваться остатками старого здания, простоявшего здесь века два-три — а может, и больше, кто знает? Этими устойчивыми, крепко сцементированными руинами было бы грех пренебречь. Поэтому новые помещения пристроили к старым, почти исключив таким образом расходы на фундамент, стены и немалую часть полов в нижнем этаже; и там, где прежде царило разорение, за относительно короткий срок воздвиглось симпатичное и прочное жильё.

Дон Мигель с женой остались очень довольны результатом и предвкушали долгие годы спокойствия и ничем не омраченного благополучия. Но в самый день прибытия в новый дом, впервые садясь за трапезу, они увидели, что во главе стола возвышается, вытянувшись в торжественной позе, призрачная фигура. Они было решили, что кто-то из их друзей обрядился ради шутки в маскарад, но тут же их привел в ужас безжизненный, потусторонний взгляд незнакомца, и дон Мигель не стал предъясвлять права на свое законное место, а с трепетом уселся подле жены, ближе к противоположному концу стола. Как можно себе представить, трапеза прошла безрадостно, супруги молчали и пожирали глазами незваного гостя, а тот сидел спокойно и неподвижно, не касался кушаний и, казалось, устремил взор в отдаленные пределы, не обращая никакого внимания на тех, кто находился рядом. Завершив короткую трапезу, супруги встали, гость тоже поднялся, отвесил им церемонный поклон и направился к двери — и в двух шагах

М 65 **Мистические истории. Абсолютное зло : рассказы /**
пер. с англ. Л. Бриловой, Н. Роговской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 384 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-17309-5

Готические истории, созданные английскими и американскими писателями XIX–XX веков, вводят читателя в мир, где обыденное и сверхъестественное идут рука об руку, абсолютное зло соседствует с ироничной насмешкой над ним, а беспечные искатели встреч с неведомым то и дело оказываются на грани жизни и смерти. Эдит Уортон, Монтегю Родс Джеймс, Эдвард Фредерик Бенсон, Уильям Фрайер Харви и другие мастера жанра повествуют о давних фамильных тайнах и родовых проклятиях, о сделках с дьяволом и древних, но не утративших своих зловещих свойств артефактах, о смутных тенях в полутемных интерьерах и попавших в затруднительное положение призраках...

УДК 821.111+821.111(73)45
ББК 84(4Вел)+84(7Сое)-44

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ АБСОЛЮТНОЕ ЗЛО

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Елена Терскова, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 20.02.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 20.16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, ви. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үйі, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-AMC-25827-01-R